

ГЁТЕ КАК ЮРИСТ

© 2010 г. А.Х. Саидов¹

*“В принципе с юношеских лет
юридическая ученость была мне
ближе, чем учение о цвете”.*

И.-В. Гёте

Поэзия и право

На протяжении многих тысячелетий право находило источник своей силы в магии слова, проникновенной, идущей из глубины души. История сохранила немало свидетельств и памятников поэтической традиции права. По словам Платона, право возникло в виде песен, дарованных богами². “Авеста” была сложена как божественные заклинания (мантры) и проповеди (гаты); законы в сурах и аятах Корана, как и Библии, составлены в стихах, в которых заключены проповеди, пророческие откровения, религиозные, правовые и этические нормы.

В мировом литературном наследии можно обнаружить множество картин и образов права, которые оказали мощнейшее воздействие на развитие юриспруденции и правосознания народов, в конечном счете – на природу великих правовых преобразований в истории человечества³. “Ключ разумения права” искали не только юристы, философы и богословы. Его поиск вели многие великие писатели прошлого и безымянные авторы народных песен, сказок и притч. Речь идет о великих “властителях дум”: Омаре Хайяме и Алишере Навои, Алигери Данте и Эразме Роттердамском, Уильяме Шекспире и Фридрихе фон Шиллере, Александре Пушкине и Михаиле Лермонтове, Федоре Достоевском и Льве Толстом и многих других. В этой плеяде классиков мировой литературы свое особое место занимает и Гёте.

Иоганн Вольфганг Гёте (1749–1832) – величайший немецкий поэт и писатель, философ и естествоиспытатель, один из самых ярких представителей немецкого романтизма, да и всей мировой литературы в целом. Один из последних европейцев, представлявших собой “универсального

человека”, идеал эпохи Возрождения, он был юристом и государственным деятелем, критиком и журналистом, художником и театроведом. Литературное и научное наследие Гёте составляют 14 томов сочинений, в которых есть все, начиная от сказок и заканчивая пьесами и романами. К 82 годам он приобрел мудрость олимпийских богов, не теряя при этом присутствия духа и желания жить и любить, и до последних дней своей жизни не переставал писать удивительные стихи о смысле жизни и любви.

От бунтарского движения молодых писателей “Буря и натиск” Гёте пришел к концепции так называемого Веймарского классицизма, в которой место революционного действия занимает идея постепенных эволюционных реформ, воспитание всесторонне развитой гармоничной личности. Именно эта идея соответствовала просветительскому идеалу Гёте, его вере в безграничные возможности человеческого разума и силы духа.

Творчество Гёте стало образцом для подражания во многих областях духовной жизни. Он – создатель универсального немецкого языка, ставшего достоянием всех германоязычных культурных доминионов. Как справедливо отметил Герман Гримм, проекции гётевского языка через Фридриха Вильгельма Йозефа Шеллинга (1775–1854 гг.) проникли в философию, через Карла фон Савиньи (1779–1861) – в юриспруденцию, через Александра фон Гумбольдта (1769–1859 гг.) – в естествознание, через Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1835 гг.) – в филологию⁴.

На протяжении всего сознательного периода жизни Гёте был связан с юриспруденцией – от университетской скамьи до последующего самообразования и стремления к формированию универсального знания.

¹ Доктор юридических наук, профессор.

² См.: Лафитский В.И. Поэзия права. Страницы правотворчества от древности до наших дней. М., 2003. С. 7–8, 15.

³ См.: там же. С. 76–77.

⁴ См.: Свасьян К.А. Философское мировоззрение Гёте. М., 2001. С. 30; Александрова Т.С. Из Гёте. Крылатые слова. Цитаты. М., 2000. С. 12–13.

Юридическое образование Гёте

“Жизнь” и “Смерть” – главные темы мировой литературы. Но с полным основанием можно утверждать, что они же являются магистральными темами и мирового правоведения. Может быть, эта глубинная связь и вывела молодого Гёте, будущего гения поэзии, сначала на дорогу юриспруденции.

Гёте был юристом, во-первых, прошедшим специальную университетскую юридическую подготовку; во-вторых, имевшим практические т.е. юридические, навыки адвоката; в-третьих, почти 50-летний опыт работы в государственной службе; в-четвертых, в его литературном творчестве вопросы права, справедливости и правосудия занимали весьма значимое место.

Гёте – представитель известной юридической династии Франкфурта своего времени. Он был связан с юридической профессией через многих своих предков по материнской линии и через отца. Например, его дед по материнской линии Иоганн Вольфганг Текстор (1693–1771), – высокообразованный юрист и деятельный чиновник. Он с честолюбивым рвением поднимался по ступеням служебной лестницы и в 1748 г. не будучи отпрыском старинного городского дворянства, достиг высшего поста в городе-республике, став “имперским и городским шультгейсом”, т.е. бессменным главой судебного ведомства и председателем городского совета, а заодно и наместником германо-римского императора, подданным которого числились “вольные граждане”⁵. Он в качестве главного судьи Франкфурта нес коронационный балдахин над Францем Первым и получал из рук императрицы массивную золотую цепь с ее портретом⁶.

Отец Гёте – Иоганн Каспар Гёте (1710–1782), действительный имперский советник⁷, доктор права, был обязан всеми своими успехами профессии юриста, а посему служение Фемиде (богине правосудия) должно было стать и жизненным кредо единственного сына. Сам Гёте об отце писал: “Мой отец, основательный, я бы даже сказал – элегантный юрист”⁸.

Отец Гёте изучал юриспруденцию в Лейпциге и получил степень магистра в Гисене. Его диссертация “*Electa de aditione hereditatis ex jure Romano et Patrio*” – “О вступлении в права наследства согласно римскому и отечественному праву”⁹ и “поныне одобрительно упоминается профессорами права”, – писал Гёте в своей автобиографической книге “Из моей жизни. Поэзия и правда”¹⁰.

В этой же книге он вспоминал: “Отец объявил, что я тоже должен буду изучать юриспруденцию в Лейпциге, к которому он питал неизменное благорасположение, а затем перейду в какой-нибудь другой университет, чтобы там приобрести степень магистра”¹¹.

Отец Гёте был страстным коллекционером и библиофилом; его библиотека насчитывала более 2 тыс. томов, среди которых было много книг по юриспруденции. “А его собрание юридических диссертаций ежегодно увеличивалось на несколько томов”¹². Как он сам впоследствии рассказывал, его отец, человек целеустремленный, уже заблаговременно ориентировал сына на изучение юриспруденции¹³.

Гёте, шестнадцати лет от роду, поступил на юридический факультет Лейпцигского университета (но, не завершил курса по болезни). В студенты он был зачислен 19 октября 1765 г.¹⁴ Попал Гёте туда, будучи весьма подготовленным молодым человеком.

Так, еще до поступления на юридический факультет Гёте проштудировал курс по римскому и германскому праву Г.А. Струве (1619–1692), впервые опубликованный в Йене в 1670 г. Эта книга являлась наиболее популярным обзорным учебным пособием, в котором в строго классифицированных формах и хорошо подобранных афоризмах проанализирован весь практически значимый материал по римскому и германскому частному, уголовному и процессуальному праву.

⁹ См.: Вильмонт Н. Указ. соч. С. 9.

¹⁰ Гёте И.-В. Собр. соч. В 10-ти т. Т. 3. С. 29; 667.

¹¹ Там же. С. 30.

¹² Там же. С. 26. Впрочем, распроданная в 1795 г. на книжном аукционе в связи с продажей дома матерью Гёте библиотека по сохранившейся описи почти полностью восстановлена (частично в других экземплярах) и размещена во франкфуртском Доме-музее Гёте.

¹³ См.: Каре Ж.М. Великий язычник. Повесть жизни Гёте / Пер. с фр. 3. Шамуриной. М, 1998. С. 27.

¹⁴ См.: Гёте И.-В. Собр. соч. В 13-ти т. Т. 12. М., 1948. С. 376.

⁵ Вильмонт Н. Гёте и его время // Гёте И.-В. Собр. соч. В 10-ти т. Т. 1. М., 1975. С. 11.

⁶ См.: Гёте И.-В. Собр. соч. В 10-ти т. Т. 3. Из моей жизни. Поэзия и правда / Пер. с нем. Н. Манн. М., 1976. С. 12; 40–41; 664.

⁷ Доктор И.К. Гёте в 1742 г. исхлопотал себе титул “действительного советника его римского императорского величества”, т.е. попросту купил это почетное звание за 313 гульденов у вечно нуждавшегося в деньгах императора Карла VII (см.: Вильмонт Н. Указ. соч. С. 10).

⁸ Гёте И.-В. Собр. соч. В 10-ти т. Т. 3. С. 586.

Гёте писал: “Отец силился направить мою память, мою способность схватывать и комбинировать в юридическое русло и даже снабдил меня для этой цели своего рода катехизисом – маленькой книжицей Гоппе, воспроизводящей по форме и содержанию “Институции”. Быстро заучив наизусть вопросы и ответы, я мог одинаково успешно выполнять роль экзаменатора и экзаменуемого, а так как в те времена на уроках Закона Божия одна из главных задач состояла в том, чтобы научиться быстро открывать Библию в указанном месте, то отец требовал от меня того же в отношении “Corpus juris”, в котором я, кстати сказать, быстро поднаторел”¹⁵. “В угоду отцу я усердно изучил маленького Гоппе, мог с ходу ответить на любой из вопросов в конце или начале книги и таким образом превосходно усвоил “Институции””¹⁶.

При подготовке к экзамену особый интерес вызвала у Гёте многотомная книга “Размышления по поводу пандект” (“Meditationes ad pandectas”) А. Лейзера, публиковавшаяся с 1717 г. Этот 12-томный труд был прочитан им “от корки до корки” В нем сочетались помимо всего прочего идеи С. Пуфендорфа и Х. Томазия с твердой убежденностью автора, не внушающей ничего, кроме отвращения, в необходимости применения пыток при дознании и смертных казней при весьма сомнительном предпочтении судебного права нормам закона.

В своих воспоминаниях “Поэзия и правда” Гёте делает ссылки также и на другую юридическую литературу, прочитанную им: “Саксонское зеркало”¹⁷, работы Штриха, Мозера, Томазера, Поттера, Коризоу. Более того, в библиотеке Гёте имелся прекрасно подобранный юридический раздел из 125 книг. Среди них сохранилась книга А. Лейзера и работы таких авторов, как Г.В. Лейбниц (1646–1716), И.Г. Фихте (1762–1814), С. Пуфендорф (1632–1694), Ш.Л. Монтескье (1689–1755),

Гейнекциус (1681–1741), Л.Ю. Хефнерд (1743–1791)¹⁸.

Таким образом, Гёте к моменту поступления на юридический факультет Лейпцигского университета был вполне подготовленным в вопросах юриспруденции.

О своей учебе в Лейпциге, “малом Париже”, Гёте писал: “Я приобрел больше сведений о праве, чем мне довелось изложить выше; впрочем, весь мой научный багаж был скорее энциклопедическим образом, нежели подлинно солидными знаниями”¹⁹. Он весьма высоко оценивал значение университетского образования: “Университетская жизнь, даже если ты и не можешь похвалиться особым прилежанием, бесконечно благоприятствует приобретению разнородных сведений, ибо ты всегда находишься среди людей, овладевших или стремящихся овладеть наукой, и невольно впитываешь в себя эту атмосферу”²⁰.

Прерванное из-за неизвестной болезни юридическое образование в Лейпциге Гёте завершил на юридическом факультете Страсбургского университета. Основной целью продолжения учебы Гёте была защита диссертации по юриспруденции²¹, чего очень желал его отец.

Несколько слов об особенностях подготовки студентов-юристов в Страсбурге. Если в немецких университетах старались подготовить широко образованных ученых-юристов, то в Страсбургском благодаря связям с Францией обучение велось на французский манер, т.е. преподавание было ориентировано на подготовку юриста-практика. Здесь студенту-юристу намеренно преподавали лишь общие основы, определенные начальные знания, да и то по мере возможности сжато и лишь самые необходимые.

К моменту поступления на юридический факультет (в Страсбург он прибыл летом 1770 г.) Гёте по юриспруденции “знал ровно столько, сколько считал нужным сообщить профессор”. О своем посещении занятий по праву Гёте писал: “Сперва я все ретиво записывал, но постепенно мое усердие пошло на убыль, мне наскучило наносить на бумагу то, что я уже многократно повторял с отцом и в форме вопросов, и в форме ответов навсегда удержал в своей памяти”²².

¹⁵ Там же. Т. 3. С. 122. Кодекс Юстиниана, или “Corpus juris civilis”, – свод гражданских законов римского права, принятый при императоре Юстиниане (483–565).

¹⁶ Там же. С. 201. “Институции” (наставления, указания – лат.) – первая глава Кодекса Юстиниана, служившая своеобразным введением для изучающих римское право. Книга И. Гоппе (1656–1712) “Исследования институтов власти” была опубликована во Франкфурте в 1691 г.

¹⁷ “Саксонское зеркало” – памятник германского права первой половины XIII в. Эту частную кодификацию составил судья Эйке фон Репхоф, обобщивший казуистическую практику судов (см.: Хрестоматия по Всеобщей истории государства и права Т. 1 / Под ред. К.И. Батура и Е.В. Поликарповой. М., 1996. С. 284–295).

¹⁸ Ruppert H. Gothes Bibliothek. Weimar, 1958. S. 411.

¹⁹ Гёте И.-В. Собр. соч. В 10-ти т. Т. 3. С. 303.

²⁰ Там же.

²¹ См.: там же. С. 299, 303.

²² Там же. С. 209.

В Страсбурге Гёте юридическим наукам посвящал “ровно столько времени, сколько нужно было, чтобы сносно защитить диссертацию”²³. Ибо в студенческие годы Гёте занимался не только юриспруденцией, но и получал уроки рисования, увлекался натурфилософией и химическими опытами, посещал лекции по медицине и хирургии, а также, естественно, был активен и в литературной деятельности “не хотелось быть ничем, а хотеть стать всем”²⁴.

Для реализации своего намерения как можно скорее защитить диссертацию Гёте занимается с репетитором, который сказал ему: “Что касается экзаменов, то здесь вам в особые подробности вдаваться не надо. Никто вас не спросит, когда и где возник тот или иной закон, каковы были внутренние и внешние поводы для его возникновения, никто не станет допытываться, как он изменился соответственно времени и обычаям и не был ли извращен вследствие ложного толкования или неправильного применения в судопроизводстве. Ученые посвящают таким исследованиям всю свою жизнь, но нас интересует лишь то, что имеет место в настоящем, и это знание мы удерживаем в памяти, дабы всегда иметь его наготове для защиты и пользы клиентов. Так мы оснащаем молодых людей для будущей жизни – остальное уже зависит от их одаренности и трудолюбия”²⁵.

Гёте относился весьма серьезно к сдаче экзамена и публичной защите диссертации. “От заботы об экзамене я отделался очень легко”²⁶. Сдавши экзамен за весь курс обучения еще в сентябре 1770 г., Гёте уже не посещает лекций профессоров-юристов, но тем усерднее – лекции медиков и химиков²⁷. Вместе с тем он писал, что “сам вменил себе в обязанность написать диссертацию”²⁸, и со всей присущей ему серьезностью относился к ее написанию. Он отметил для себя ряд вопросов, собрал по ним материалы, проштудировал собранное, еще раз обдумал все, что собирался доказать, равно как и схему, согласно которой хотел расположить отдельные главы, – и некоторое время над этим проработал. “Составив себе более или менее точное представление о юриспруденции и всех ее дисциплинах”²⁹, Гёте, взяв за образец подход известного профессора

права и автора многотомного труда по пандектному праву А. Лейзера³⁰, приступил к написанию диссертации.

В юриспруденции в то время намечались большие сдвиги: считалось, что приговоры надлежит выносить, прежде всего сообразуясь с разумом; обычное право всякий раз бралось под сомнение, особенно же больших изменений следовало ждать в криминалистике³¹.

Гёте выбирает более общую и по возможности ему знакомую тему для диссертации. Церковную историю он знал, пожалуй, еще лучше, чем всемирную, и давно интересовался тем двойным конфликтом, в котором пребывала церковь как институт, официально призванный служению Богу. С одной стороны, церковь находилась в вечном споре с государством, выше которого хотела стать, а с другой – с частными лицами, которых хотела объединить вокруг себя. Государство, в свою очередь, не желало признать за нею верховной власти, частные лица восставали против ее права понуждения. Если государство все подчиняло общим целям, частное лицо – целям домашним, сердечным, бытовым. С детства Гёте наблюдал, как духовенство ссорилось то с властью имущими, то с общиной. Он полагал, что государство, законодатель вправе устанавливать определенный культ, в соответствии с которым должно действовать и поучать духовенство; миряне же обязаны внешне и в местах общественных точно следовать этому культу, причем не надобно допытываться, что каждый в отдельности думает, чувствует и полагает³². Таким путем, думал Гёте, сразу будут устранены все коллизии. Исходя из этого, он выбрал для своей диссертации первую часть темы, а именно: законодатель не только имеет право, но и обязан устанавливать известный культ, от которого не вправе уклоняться ни духовенство, ни миряне³³. Гёте раскрыл эту тему частично в историческом, частично в философском аспектах, доказывая, что все официальные религии были введены завоевателями, королями, могущественными властителями. То же самое произошло и с христианской религией. Протестанство было тоже сравнительно недавним примером.

²³ Там же. С. 380.

²⁴ Каре Ж.М. Указ. соч. С. 55, 390–391.

²⁵ Гёте И.-В. Собр. соч. В 10-ти т. Т. 3. С. 304.

²⁶ Там же. С. 317.

²⁷ См.: Вильмонт Н. Указ. соч. С. 23.

²⁸ Гёте И.-В. Собр. соч. В 10-ти т. Т. 3. С. 317.

²⁹ Там же. С. 397–398.

³⁰ Август Лейзер (1683–1752) – профессор юриспруденции, автор многотомного сочинения “*Meditationes ad pandectas*” – “Размышления по поводу пандект” (1718–1747).

³¹ См.: там же. С. 398.

³² См.: там же. С. 398–399.

³³ См.: там же. С. 399.

Отец Гёте одобрил работу сына и ждал опубликования диссертации. Однако декан юридического факультета посоветовал не публиковать таковую в качестве академической диссертации, но допустил Гёте к защите по тезисам. После этого Гёте со своим репетитором подготовил тезисы для защиты. Между тем его отец весьма огорчился, что диссертация не была напечатана. Он хотел, чтобы она была издана отдельной книгой, и для этой цели заботливо хранил рукопись, которая уже много лет спустя была обнаружена среди его бумаг³⁴.

Тезисы Гёте состояли из 56 юридических положений³⁵. Здесь приведем содержание лишь тезисов 49–52:

“49. Никогда не может быть составлена кодификация законов.

50. Скорее сам закон должен составляться таким образом, чтобы быть коротким по форме, но содержательным по силе доказательств.

51. Толкование законов, которые должны исходить от правителей, следует собирать отдельно и не смешивать их с основополагающими законами.

52. Толкования законов, которые должны исходить от правителей, следует в каждом новом поколении или в случае прихода к власти нового регента отменять и заменять их теми новыми, которые требуются”.

Таким образом, двадцатидвухлетний Гёте видит лекарство от “наследственной болезни” влачащих жалкое существование законов и правовых обычаев не в их кодификации на вечные времена, а в гибкой, аргументированной разработке отдельных законов, равно как и в новом для каждого последующего поколения аутентичном толковании тех законов, которые уже действуют.

Какими бы – серьезными или, напротив, легкомысленными – ни могли считаться эти идеи, можно предположить, что Гёте использовал их в качестве аргументов в спорах со своим свояком Иоганном Георгом Шлоссером³⁶, когда последний вынашивал замысел произведений, где соответствующие вопросы нашли свое рассмотрение (“Проект и попытка улучшения германского гражданского права”, Лейпциг, 1777; “Письма о законодательстве”, Франкфурт, 1789). В несколь-

ко усовершенствованном виде эти идеи могли также оказать влияние на полемику Гёте в марте 1787 г. в Неаполе с Газтано Филанджери, автором восьмитомного труда “Наука законодательства”. Впервые эта книга была издана в Италии в 1781 г., а 1784 г. вышла на немецком языке в Ансбахе уже под названием “Система законодательства”).

Во всяком случае и в 75-летнем возрасте Гёте признавался в своей верности диссертационным тезисам. В его письме от 24 ноября 1825 г., адресованном Йенскому юридическому факультету, говорится, что, хотя он лишь с улыбкой вспоминает о своих страсбургских устремлениях, он не может, однако, отвергать их, поскольку ничто в них не противоречит его нынешним убеждениям.

“Шестого августа 1771 года, так как факультет права отказывался принять диссертацию Гёте, признанную неправомерной, он довольствовался тем, защищал ее на звание не доктора, а лиценциата”. В Германии – в отличие от Франции – в состав которой в то время входил Страсбург, – степень французского лиценциата права приравнивалась к степени немецкого доктора права³⁷.

О своем юридическом образовании Гёте устаив Фауста³⁸ говорил:

*“Я богословьем овладел,
Над философией корпел,
Юриспруденцию долбил
И медицину изучил”*³⁹.

Эти строки Н. Холодковский перевел следующим образом:

*“Я философию постиг,
Я стал юристом, стал врачом...
Увы, с усердьем и трудом
И в богословье я проник”*⁴⁰.

³⁷ См.: там же. С. 694. См.: Каре Ж.М. Указ. соч. С. 56.

³⁸ Фауст прошел курс всех четырех факультетов (философского, юридического, медицинского, богословского) средневекового университета; получил как низшую ученую степень магистра, так и высшую – доктора.

³⁹ Гёте И.-В. Страдания юного Вертера: Роман. Фауст: Трагедия / Пер. с нем. Н. Касаткиной, Б. Пастернака. М., 2004. С. 155. Здесь мы приводим четыре варианта перевода этих строк: двух канонизированных переводчиков “Фауста” – Б. Пастернака и Н. Холодковского, а также двух новейших переводов – Н. Копанева и О. Тарасовой (всего известно более 20 вариантов).

⁴⁰ Гёте И.-В. Страдания юного Вертера. Роман. Фауст. Трагедия / Пер. с нем. Н. Касаткиной, Н. Холодковского. СПб., 2005. С. 137.

³⁴ См.: там же. С. 400.

³⁵ См.: Goethes Sechshundfunzig Straßburger. Thesen. Weimar, 1949. S. 24tt.

³⁶ См.: Гёте И.-В. Собр. соч. В 10-ти т. Т. 3.

Эти слова Фауста в переводе Н. Копанева звучат так:

*“Философ я, и ко всему
Известен как юрист, как врач.
Я времени потратил тьму
На всю науку, и хоть плачь”⁴¹.*

В переводе О. Тарасовой выглядит так:

*“Ах! Философию, закон
И медицину я познал,
Увы, забыв покой и сон,
Курс богословский изучал”⁴².*

Таким образом, профессиональное юридическое образование составляло основу юридического мировоззрения Гёте. Несомненно то, что он всю жизнь и в творчестве, и в адвокатской и государственной деятельности опирался на свои юридические знания.

Адвокатская деятельность Гёте

Следует отметить, что Гёте не только изучил юриспруденцию и имел высшее юридическое образование, но и был практикующим юристом, хотел он того или не хотел. С 1771 по 1775 г. – почти четыре года – Гёте занимается адвокатской практикой во Франкфурте и Вецларе.

В городском архиве Франкфурта сохранилось 28 протоколов гражданских дел и 70 прошений молодого адвоката Гёте⁴³.

В этой связи нельзя согласиться с весьма укorenившейся точкой зрения о том, что единственной любовью Гёте на всю жизнь была только литература. Так, В. Иванов в своей статье “Гёте на рубеже двух столетий” писал, что “в качестве лицензиата прав (в которых, однако, мало смысла), он занимался некоторое время в родном городе кое-как юридической практикою...”⁴⁴.

Обратимся к самому Гёте. Спустя 40 лет после начала своей юридической деятельности он отмечал, что в те годы “лучшую часть дня я по велению отца употреблял на адвокатуру, для чего счастливейшим образом находился всегда повод”. Об этом есть строки и в “Фаусте”:

*“Хотя я разумнее многих хватов,
Врачей, попов и адвокатов”⁴⁵.*

И молодого Гёте можно было понять. Поначалу ему многое просто льстило. Например, когда он вернулся из Страсбурга с дипломом юриста во Франкфурт, ему не составило труда получить разрешение на вступление в адвокатское сословие, ибо в протекциях и связях у него недостатка не было. 28 августа 1771 г., в день своего двадцатидвухлетия, Гёте подал в городской суд присяжных Франкфурта прошение о зачислении в адвокаты⁴⁶.

Не прошло и нескольких дней, как прошение было удовлетворено, и уже 3 сентября Гёте приносит присягу и как адвокат городского суда, и как гражданин Франкфурта. Его хорошему настроению способствует то, что он сразу же был избавлен от кропотливой работы по формированию круга клиентов. Несколько дел ему уступил дядя с материнской стороны, адвокат Иоганн Йост Текстор.

Активное участие в адвокатской деятельности молодого Гёте принимали друзья дома, например семья адвокатов Шлоссеров, в том числе отец будущего зятя Гёте, Иоганна Георга Шлоссера (1739–1799), который был к тому же имперским советником и бургомистром. В целом же эта семья имела богатейший юридический процессуальный опыт.

Адвокатскую контору Гёте открыл в отцовском доме на Гросер-Хиртграбен. Он успешно вел дела, прибегая к помощи своего отца, поскольку тот как имперский юридический советник сам не мог этого делать. В одном из писем, датированных весной 1774 г., рукой Гёте написано: “Я весьма усерден, чтобы не сказать прилежен, адвокатствую старательно и сочиняю к тому же нечто душевное и умственное...”.

Литература помогает Гёте заниматься юридической практикой, сказываясь на форме и образности языка его адвокатских речей. Биографы между тем делают вывод, что клиентами Гёте были люди небогатые: мелкие бюргеры, ремесленники, среди которых оказались и кредиторы, и должники, акционеры и владельцы, пользователи и наследники. Однажды ему пришлось даже отстаивать интересы некой деревенской общины. Гёте провёл 28 процессов, в семи из них защищал евреев, права которых были ущемлены⁴⁷.

Следует отметить, что свое “крещение” в суде присяжных адвокат Гёте получил, когда вел дело о

⁴¹ Гёте И.-В. Фауст. Трагедия. Первая и вторая части / Пер. с нем. Н. Копанева. М., 2006. С. 28.

⁴² Гёте И.-В. Фауст. Трагедия. Часть первая / Пер. с нем. О. Тарасовой. М., 2003. С. 47.

⁴³ См.: “Рассеял ты когда-нибудь печаль?...” // Росс. адвокат. 2001. № 2.

⁴⁴ Цит. по: Александрова Т.С. Из Гёте. Крылатые слова. Цитаты. М., 2003. С. 2.

⁴⁵ Гёте И.-В. Страдания юного Вертера. Роман. Фауст. Трагедия / Пер. с нем. Н. Касаткиной, Б. Пастернака. М., 2004. С. 155.

⁴⁶ См.: Krieger G.L. Deutsche Kulturbilder aus dem 18. Jahrhundert. Leipzig, 1874. S. 263–517; Goethe als Rechtsanwalt Fuchs; J. Advokat Goethe. Weimar, 1932; Wohlhaupter E. Dichter-juristen. Bd. 1. Tübingen, 1953. S. 169–389.

⁴⁷ См.: Ионкис Г. Гёте и евреи // Вестник. 2002. 18 сент.

расторжении коллективного договора, связанного с делом о наследстве, которое заключалось в том, что отец – владелец маленькой фабрики, так называемой “фарфоровой мастерской”, сделал своим наследником сына, совладельца этой фабрики. Условия были следующие: в случае кончины отца сыну доставалась вся фабрика, а двум сестрам он должен был выплатить компенсации. Но отец внезапно передумал и потребовал у сына расторжения договора. Сын же, пригласивший Гёте в качестве защитника, предъявил свои права, так как в договоре было оговорено, что в случае его помолвки отец передает ему производство раньше, если тот возьмет на себя содержание отца.

Со всей яростью молодости Гёте “бросился в бой”. Вот тут-то и пришлось суду присяжных увидеть нового адвоката в действии! Адвокат Гёте не признавал, а скорее ненавидел предписания позитивного права и делал ставку на принципы закона. Он апеллировал к здравому смыслу и естественным человеческим чувствам, таким как чувство справедливости. Гёте был адвокатом действительно времени “Бури и натиска”, к тому же еще не забывшим непринужденные манеры и свободу общения, принятые в студенческой среде. Абстрактному мышлению эпохи Просвещения он хотел противопоставить животворящую силу чувств и фантазии. “Выступления Гёте, весьма поэтические по форме, отличались, впрочем, великолепным пренебрежением к формальностям”⁴⁸.

Гёте в своем первом деле, которое он, кстати, выиграл, не щадил противника по процессу – адвоката Моорса (по жизни – своего друга). Вот два примера излюбленных аргументов, которые выставлял молодой адвокат Гёте:

“Мантия неправды прохудилась во многих местах: чем больше ее стараются натянуть в одном месте, тем более оголяется другое...”.

“Когда, ликуя, ты найдешь наконец место для постройки, знай, что это может быть не твердая почва, а всего лишь замерзшая вода. И построенное здесь здание рухнет от первого весеннего луча солнца. Хорошо еще, если мастер не догадался вложить средства в возведение триумфальной колоннады в честь самого себя!...”.

Как можно понять, и оппонент Гёте, видимо, едва сдерживался, чтобы ответить достаточно спокойно на такие словоизвержения. В конце концов оба адвоката получили серьезные замечания суда за то, что вызывали “стилем своих речей не

только раздражение публики, но и ожесточение общественных нравов”!

Хорошо ли, плохо ли, но после этого предостережения тон речей молодого адвоката изменился, и стиль его выступлений стал похож на речи его коллег. На счастье Гёте у него был способный помощник, который переписывал его речи и владел витиеватым канцелярским стилем эпохи барокко.

Разумеется, наряду с адвокатской деятельностью Гёте писал стихи, переводил Оссиана, читал Гомера и Шекспира, собирал народные песни Нижнего Эльзаса, начал работать над первой своей драмой “Гец фон Берлихинген с железной рукой” (1771 г.), познакомился с писателем И.Г. Мерком (1741–1791) и участвовал в движении “Буря и натиск”. Адвокат Гёте сотрудничал с журналом “Франкфуртские ученые известия” И.Г. Мерка, имевшего прозвище Мефистофель и покончившего жизнь самоубийством.

Отец, решивший во что бы то ни стало сделать из Гёте юриста, в середине мая 1772 г. пристраивает его в качестве практиканта в Имперскую судебную палату в Вецларе, небольшом городке неподалеку от Франкфурта. Эта высшая судебная инстанция – нечто вроде кассационной палаты – была самым бесполезным юридическим учреждением. И если бы отец решил укрепить в Гёте скептическое отношение к судебной деятельности, лучшего способа он выбрать не мог. 16 тыс. дел и процессов ждало рассмотрения в этой судебной инстанции⁴⁹. В то же время здесь процветало взяточничество.

После трехмесячной практики Гёте возвращается во Франкфурт-на-Майне и продолжает адвокатскую практику, принимает участие в нескольких процессах⁵⁰. Главный интерес его составляла, однако, литературная деятельность. На первом месте стоял здесь “Гец фон Берлихинген”, а также его занимали планы “Прометея” и “Фауста”.

Некоторые юридические процессы оставили глубокий след в его памяти, а может быть, и в душе. Так, уже будучи практикующим юристом, он стал свидетелем шумного процесса над Сюзанной Маргаритой Брандт, которая была обвинена в

⁴⁸ Каре Ж.М. Указ. соч. С. 56.

⁴⁹ См.: там же. С. 59. По этому поводу Г. Кленнер пишет, что “в судебной палате... накопилось около 20 тысяч дел, из которых ежегодно разбиралось только шестьдесят (см.: Кленнер Г. От права природы к природе права. М., 1984. С. 8).

⁵⁰ См.: Сервантес. Шекспир. Ж.-Ж. Руссо. И.-В. Гёте. Карлейль. Биографические повествования. Челябинск, 1998. С. 331.

детоубийстве⁵¹. Несчастливая мать честно призналась, что, поддавшись дьявольскому наущению, “погубила родную плоть”, дабы “позора и поношения людского избежать, ибо произвела на свет незаконное дитя”. Двадцатичетырехлетняя преступница была казнена публично на площади перед франкфуртской гауптвахтой.

Отголоски этого процесса мы слышим в первой речи “Фауста”.

Маргарита:

*“И вот уж жезл судейский сломан⁵².
Мне крутят руки на спине
И тащат силою на плаху.
Все содрожаются от страха
И ждут, со мною наравне,
Мне предначертанного взмаха
В последней смертной тишине!”*

Фауст

“Зачем я дожился до такой печали!”

Маргарита:

“Я покоряюсь божьему суду”⁵³.

Эта сцена в тюрьме “Фауста” – одна из вершин поэтического гения Гёте.

Об этой сцене известный французский социолог права Ж. Карбонье пишет: “Так, Дюрренматт, толкуя “Фауста” Гёте, оценил смертный приговор Маргарите как тщетность принципа Талиона и осуждение правосудия в целом. Контестация об-

ращена как против правовой системы в целом, так и против ее отдельных частей, и особенно семьи и брака”⁵⁴.

Можно подумать, что Гёте вместе со своим героем сочувствует бедняжке?! Как знать?! Хочется верить, что человек, опередивший свой век, размышляет и чувствует, как мы.

В целом Гёте высоко оценивал адвокатскую деятельность. По этому поводу он писал: “Решительный адвокат в справедливом деле, понимающий математик под звездным небом – оба равным образом подобны Богу”.

Государственная деятельность Гёте

На протяжении всей своей жизни Гёте не занимался исключительно литературной деятельностью. После адвокатской работы долгое время он состоял на государственной службе в Саксонии – Веймаре – Эйзенахе – земле с населением 100 тыс. жителей (1% – дворянство, 63% – крестьяне), из которых немногим более 6 тыс. жило в самом Веймаре. Карл Август – герцог Саксен-Веймарский и Эйзенахский (1757–1828), приглашает Гёте в 1775 г. на государственную службу в Веймар.

Будучи на государственной службе, Гёте общается свой значительный опыт разносторонней юридической практики и правовых знаний. С 11 июня 1776 г. он состоял тайным юридическим советником с содержанием в 1200 талеров, имеющим право участвовать и голосовать на заседаниях Тайного совета, с 5 сентября 1779 г. стал тайным советником в должности министра, в 1782 г. получил дворянский титул, а с 1815 г. занял пост премьер-министра⁵⁵.

Поступая на веймарскую службу, Гёте тешил себя надеждой добиться радикального улучшения на малом клочке немецкой земли, с тем чтобы проведенные им реформы стали прологом общенационального обновления немецкой государственности. В ту пору он верил в дружескую поддержку герцога и в свое умение “перелукавить” противников задуманных им преобразований, “по виду им уступая”, но “помня цель и на худой дорожке”, как говорится в “Морском плаваньи”, в котором поэт и веймарский юридический советник сравнивает себя со смелым мореходом в грозу и бурю⁵⁶. “Герцогства Веймарское и Эйзенахское, – писал он Мерку, – как-никак достойное поприще

⁵¹ Согласно ст. СХХХI “Каролины” “женщина, которая злоумышленно, тайно и по своей воле убьет своего ребенка, уже получившего жизнь и сформировавшиеся члены, да будет, согласно обычаю, заживо погребена и пробита колом...” (см.: Хрестоматия по Всеобщей истории государства и права. Т. 1 / Под ред. К.И. Батыра и Е.В. Поликарповой. С. 315).

⁵² Эта строка наглядно показывает, насколько Гёте хорошо знал “Каролину” – Уголовно-судебное уложение Священной римской империи германской нации 1532 г. Являясь единственным общеперским законом раздробленной Германии, “Каролина” имела целью упорядочить уголовное судопроизводство в местных судах. Статья ХСХVI “Каролины” “Когда судья должен преломить свой жезл” гласила: “Когда обвиняемый будет окончательно приговорен к уголовному наказанию, судья должен преломить свой жезл по местным обычаям и предать несчастного палачу, и повелеть тому, кому под присягой в точности выполнить вынесенный приговор, после чего суд встает и принимаются меры к тому, чтобы палач мог под надежной охраной и в безопасности привести произнесенный приговор в исполнение” (см.: Хрестоматия по Всеобщей истории государства и права. Т. 1 / Под ред. К.И. Батыра и Е.В. Поликарповой. С. 311).

⁵³ Гёте И.-В. Страдания юного Вертера. Роман. Фауст. Трагедия / Пер. с нем. Н. Касаткиной, Б. Пастернака. С. 332–333.

⁵⁴ Карбонье Ж. Юридическая социология / Пер. с фр. и вступ. ст. В.А. Туманова. М., 1986. С. 235–236.

⁵⁵ См.: Кленнер. Г. Указ. соч. С. 80–82.

⁵⁶ См.: Вильмонт Н. Указ. соч. С. 29.

для того, чтобы проверить, к лицу ли тебе историческая роль”⁵⁷.

Действительно, специальные юридические знания, приобретенные Гёте во время его адвокатской практики во Франкфурте, очень пригодились ему на службе у герцога Карла Августа. Ведь количество возложенных на него задач в Тайном совете было немалым: он работал в нескольких специальных комиссиях или такими комиссиями руководил. Например, он стал председателем Военной комиссии, герцог поручал ему руководство Дирекцией дорожного строительства и Дирекцией местной укладки городских мостовых и прогулочных маршрутов вблизи города. Он встал и во главе управления финансами.

В бумагах, которые составлял тогда Гёте, не нужен был язык поэта. В них говорил юрист, хотя в иной формулировке можно почувствовать что-то гётевское. Интересно, что, когда Карл Август в 1785 г. сделал попытку упростить канцелярский язык и сократить формулировки, Гёте решительно выступил против нововведений. Он ратовал за сохранение официального канцелярского стиля.

Гёте хорошо знал историю и современное положение правовой системы Германии, классическое римское право и местные правовые обычаи, а также феодальную правоприменительную практику. Разумеется, он знал, что Карл Август, его сюзерен, с сентября 1775 г. ставший единоличным правителем, обладал не только правом помилования лиц, осужденных судом, но и правом усиливать наказания, равно как и правом вмешиваться в гражданско-правовое судопроизводство. Он был, следовательно, последней инстанцией в вопросах законности? Любые внебрачные связи влекли за собой церковные наказания, от которых не освобождало даже последующее заключение брака. Судебные процессы из-за каверзных юридических уловок тянулись бесконечно долго и обходились очень дорого.

Гёте знал, что вследствие неопределенности многих норм материального и процессуального права, вследствие невозможности разобраться в дебрях противоречащих друг другу законов, судебных прецедентов, обычаев и традиций (ведь одновременно действовали нормы римского права, “Саксонского зерцала” и “Каролины”) судьи в своем большинстве чинили юридический произвол.

В Веймаре до 1783 г. (следовательно, дольше, чем в Пруссии) применялись пытки, до 1794 г. —

наказания путем причинения увечий. Отмена пыток была осуществлена лишь законом от 7 июля 1819 г., однако, если обвиняемый, считавшийся избалованным, отказывался признать свою вину, герцог в силу принадлежащего ему как сюзерену права мог устанавливать наказание по собственному усмотрению. За кражу имущества стоимостью в 5 гульденов и более назначалась смертная казнь через повешение. Еще и в 1804 г. выносились приговоры к смертной казни путем сожжения. Смертная казнь путем отсечения головы полагалась за убийство ребенка (обычно это касалось не состоящих в браке женщин, умерщвлявших своих детей во время или сразу после их рождения). И вот заключение Гёте: “...По моему мнению, возможно, благоразумнее было бы сохранить смертную казнь”⁵⁸.

Гёте участвовал в борьбе против “анархии прессы”. Ему были ведомы сложные хитросплетения цензуры в Веймаре. Он знал в том числе и о надзоре за лекциями Фихте в Йене в 1794 г.⁵⁹ Он непосредственно на месте пережил конец Карлсбадского конгресса в 1819 г., знал о насилиях, учиненных гусарами короля Пруссии. Гёте знал о том, что в герцогстве не было отдельных помещений для обвиняемых и преступников, мужчин и женщин, опасных преступников и мелких правонарушителей, правонарушителей и сумасшедших, слепых и калек. Например, в построенной в 1719 г. каторжно-исправительной тюрьме Веймара в 1805 г. находилось 49 каторжан и 7 лиц, бывших под надзором, среди них — 5 помешанных. Чтобы сэкономить на расходах, заключенных сдавали в рекруты в прусскую армию.

Гёте было известно все это. Ведь в ходе своих поездок и путешествий по Германии он мог воочию увидеть положение осужденных, попавших на каторгу или в сумасшедший дом в Ильменау и Шварцбурге: “...Мы делали очные ставки и допрашивали убийц, воров и укрывателей. Сначала я не хотел в этом участвовать, так как избегал грязи... Один мужчина видел, как рядом с ним от голода умирала жена. Когда все кончилось, никто не хотел ее похоронить, и он был вынужден сам закопать ее труп; теперь этот горестный поступок вменялся ему в вину, как если бы он сам ее убил...”⁶⁰.

⁵⁸ Goethe, 4. November. 1783 // Goethes Amtliche Schrif-ten. Bd. 1 (Hrsg.: W. Flach). Weimar, 1950. S. 251.

⁵⁹ См.: Goethes Amtliche Schriften. Bd. 2/1 (Hrsg.: H. Dahl). Weimar, 1968. S. 403ff.

⁶⁰ Goethes Werke (Sophienausgabe). 4. Abtlg. Bd. 4. Weimar, 1889. S. 286; Bd. 5. S. 165.

⁵⁷ Там же.

Вышеизложенное по поводу юридического образования, адвокатской деятельности и государственной службы Гёте было необходимо прежде всего для того, чтобы положить конец неосновательным беспочвенным утверждениям:

во-первых, будто Гёте в студенческие годы вел беспутную жизнь и лишь под нажимом своего страдбургского репетитора, уговаривавшего и попукавшего его, готовился к экзаменам по юриспруденции, а юридическое образование не имело для него никакого значения. Справедливости ради надо отметить и то, что писал сам Гёте: "...Среди всех моих талантов юриспруденция – наиболее ничтожный"⁶¹;

во-вторых, будто после этого юрист Гёте всегда лишь стоял на пути поэта Гёте, сбивая его с поэтического настроения.

Между тем его призвание не могло быть реализовано без юридических познаний, а его глубокая интуиция не могла бы развиваться, не питаясь всесторонним опытом. Гёте, рожденный быть поэтом, смог придать своим литературным творениям общемировой масштаб кроме всего прочего еще и потому, что его помыслам были свойственны всемирно-исторические черты.

Речь здесь идет, вполне понятно, не о сведении чувств к разуму, а о констатации болезненных противоречий между убожеством общества и страстностью личности. Однако то, что Гёте смог сделать эти напряженные отношения продуктивными (но не сублимировать их), что "человечество", а вместе с тем гуманизм никогда не были для него чистой абстракцией, а также понимание им того, что менее всего "живущие в юдоли земной" препятствуют любому сглаженному решению проблем, – всем этим обязан он, конечно, также и глазу юриста, чувствительному к восприятию противоречий и конфликтов в обществе.

Вопросы права в художественных произведениях Гёте

В богатейшем литературном наследии Гёте можно обнаружить множество образов права. К сожалению, рамки этой статьи не позволяют представить хотя бы малую их часть. Поэтому мы просто обратимся к страницам некоторых произведений Гёте.

В литературной, общественно-политической и научной деятельности Гёте его юридические знания занимали важное место. Он как бы связывал

их "в один сокровенный узел", как писал в письме Кнебелю от 21 ноября 1782 г.

Литературное творчество Гёте было подчинено жизни. Это в полной мере относилось также к его юридической практике, но уже с осознанием того, что право может дать, а чего дать не может.

Гёте в умеренном, эволюционном и реформаторском плане рассматривает природное и приобретенное право не как альтернативные, а как дополняющие друг друга категории: "Человеку свойственно не только врожденное, но и благоприобретенное". Однако Мефистофель в "Фаусте", который кичится "древним обычаем", "правом старины", оказывается в конечном счете покинутым всеми, и его вопрос: "Кто склонит слух свой к жалобе законной, отдаст мне право, купленное мной?" – уже не нуждается в ответе после того, как у него ловко умыкнули бессмертную сущность Фауста⁶².

В "Геце фон Берлихингене" профессиональные юристы, буквально "выуживающие" приговор по любому спорному делу из "неизменных норм" Свода законов, противопоставляются, отнюдь не в их пользу, несведущим в римском праве судебным заседателям, которые руководствуются обычаями, немногочисленными статутами и решают вопросы по своему разумению⁶³.

В "Эгмонте" Гёте описывает противостояние права обычного права, привнесенному "извне", отмечает противоположные позиции: представитель королевской власти настаивает на изменении права, переходящего от поколения к поколению, а нидерландец требует не только соблюдения своих природных прав, но и того, чтобы "правили... полностью по исконным правам"⁶⁴.

Следует обратить внимание на гордые слова, сказанные в "годы учения Вильгельма Мейстера": "Я едва ли вспоминал о какой-либо заповеди... ничто не представало для меня в форме закона..., я свободно следовал моим убеждениям". Они отражают собой, естественно, не что иное, как анархистский эгоцентризм тех, для кого право – это то, что является для них правом, это плоть от плоти, святая святых исторической иллюзии бюргерства в период его расцвета.

Гёте вошел в мировую литературу прежде всего как создатель бессмертной трагедии "Фауст". Это – философская поэма, ставящая и разрешающая основные вопросы человеческого бытия, и

⁶² См.: Гёте И.-В. Страдания юного Вертера. Роман. Фауст. Трагедия / Пер. с нем. Н. Касаткиной, Б. Пастернака.

⁶³ См.: Кленнер Г. Указ. соч. С. 84.

⁶⁴ Гёте И.-В. Собр. соч. Т. 3. М., 1933. С. 283.

⁶¹ Письмо И. Кестнеру от 25 декабря 1773 г. // Гёте И.-В. Собр. соч. В 13-ти т. Т. 12. Письма. Ч. 1. С. 141.

прежде всего поиска смысла жизни. “Фауст” – котел страстей невероятного накала и величайшего напряжения ума, кладезь неисчерпаемой мудрости, книга на века и тысячелетия⁶⁵. Он философски афористичен⁶⁶, одна-две строки выражают глубочайшую мысль, которую порой не способен кратко сформулировать толстый схоластический фолиант. Это относится и к знаменитому афоризму о несовместимости пустого теоретизирования и живой многоцветной жизни:

*“Теория, мой друг, суха,
Но зеленеет жизни древо”*⁶⁷.

Это относится и к великому лозунгу самого Гёте, вложенному им в уста Фауста, который и поныне повторяют все преобразователи мира: “Im Aubang war die Tat! – Вначале было дело!”⁶⁸.

Мефистофель, приняв облик Фауста, дает начинающему студенту дьявольские наставления о том, какой факультет тому лучше всего выбрать, в следующих строках:

*“Седого кодекса графа,
Как груз наследственной болезни.
Иной закон из рода в род
От деда переходит к внуку.
Он благом был, но в свой черед
Стал из благодетеля мукой.
Вся суть в естественных правах,
А их и втаптывают в прах”*⁶⁹.

Следует отметить, что сцены со студентом не было в первоначальном варианте “Фауста”, так называемом “Прафаусте”. Однако эта сцена уже присутствовала в одном из фрагментов книги, опубликованной в Лейпциге в 1790 г.

Один из наиболее одаренных учеников Гегеля (и одновременно один из наиболее талантливых учителей К. Маркса) Е. Ганс рассматривал эти строки из “Фауста”, посвященные наследуемому,

подобно болезни, закону и естественным правам, как парафраз диалектико-идеалистического понимания права Гегелем, что явствует из конспекта его лекции, датируемой годом смерти Гёте⁷⁰.

Мефистофель мистифицировал студента: “Создаются ли законы на время или на века?”, “Является ли право бедствием для религии и морали?”, “Связан ли правитель законами?”.

Строкой о естественных правах Гёте не только показывает бесплодность божественного права в отношении земных проблем, вызвав тем самым недоумение читателей. Он прежде всего поднял вопрос об обязанности правителей регулярно подвергать проверке переходящие из поколения в поколение законы и обычаи с точки зрения их правомочности, с тем чтобы либо без всякой замены отменять их, если они устанавливают наказания за вымышленные преступления, такие, например, как колдовство и ересь, либо же, если это отвечает требованиям времени, заменять их новыми.

Гёте стремился к объективной оценке права, причем как для его обоснования, так и для критики. Он понимал бытие как становление и полностью разделял гегелевский тезис о том, что гибель векового права оправданна, если отпадает основа его существования⁷¹. Если юридические законы могут, по мнению Гёте, при известных обстоятельствах становиться “наследственной болезнью”⁷², то “вечные законы” бытия (понимаемого как становление) естественных сущностей превозносятся в качестве прообраза и образца всего субъективного – юридические законы представляют собой лишь попытки приближения к объективному миропорядку⁷³.

Человеческое право, по Гёте, – это естественное право, оно исходит отнюдь не из потустороннего мира. Под влиянием идей Баруха Спинозы Гёте отмечал: “Природа действует в соответствии с вечным, необходимым и столь божественным законом, что само божество ничего не могло бы изменить в нем”⁷⁴. Человек является естественной сущностью. Естественность проявляется как разумность, право человека как право, дозволенное природой, как естественное право. Здесь нет ничего, что не связывалось бы с Богом, который ведает всеми делами человека.

⁶⁵ См.: Абрамов Ю.А., Демин В.Н. Гёте И.-В. Фауст // 100 великих книг. М., 2001. С. 300–306.

⁶⁶ Об афоризмах Гёте подробнее см.: Александрова Т.С. Из Гёте. Крылатые слова. Цитаты. В этой книге приводятся около 400 афоризмов, крылатых слов, литературных цитат, изречений из произведений Гёте, встречающихся в художественной, научной литературе и публицистике.

⁶⁷ Гёте И.-В. Страдания молодого Вертера. Роман. Фауст. Трагедия / Пер. с нем. Н. Касаткиной, Б. Пастернака. С. 213. Эти строки Н. Холодковский перевел так:

*“Суха, мой друг, теория везде,
А древо жизни пышно зеленеет!”*

См.: Гёте И.-В. Страдания юного Вертера. Роман. Фауст. Трагедия / Пер. с нем. Н. Касаткиной; Н. Холодковского. С. 190.

⁶⁸ Гёте И.-В. Страдания юного Вертера. Роман. Фауст. Трагедия / Пер. с нем. Н. Касаткиной, Б. Пастернака. С. 185.

⁶⁹ Там же. С. 210–211.

⁷⁰ См.: Кленнер Г. Указ. соч. С. 87.

⁷¹ См.: Гегель Г. Собр. соч. Т. 7. М.-Л., 1937. С. 27.

⁷² Гёте И.-В. Страдания юного Вертера. Роман. Фауст. Трагедия / Пер. с нем. Н. Касаткиной, Б. Пастернака. С. 211.

⁷³ См.: Кленнер Г. Указ. соч. С. 87.

⁷⁴ Гёте И.-В. Собр. соч. Т. 10. М., 1935. С. 233.

Стихи и мысли Гёте о “естественных законах” природной сущности человека бесценны и непреходящи. Если права человека, о которых говорит Гёте, проанализировать более внимательно, то окажется, что, по существу, свобода является условием равенства, но такого, которое, в свою очередь, обеспечивает надежность собственности⁷⁵. “Общество не может быть основано иначе, чем на понятии равенства, а отнюдь не на понятии свободы”. Однако это равенство обязано такому устройству общества, когда его интересует не то, “что ты есть”, а лишь то, “что имеешь”⁷⁶.

Особенностью художественного метода Гёте было соединение в одном лице качества делового человека и творческой личности. Он приходит к пониманию познания деятельности как отправного и конечного момента человеческой личности, к пониманию человека как творца своего бытия и становления. Это и есть глубочайшее внутреннее свойство человеческой натуры.

Все это отражает его колебания между позитивной и негативной оценками права как в его собственной жизни, так и в жизни других людей. Приводимые ниже высказывания Гёте, возможно, и противоречат друг другу, но не являются взаимоисключающими. Они лишь отражают раздвоенное отношение к внутренне противоречивой действительности.

Речь идет об оценке Гёте значения права. Разумеется, коллеги-юристы Гёте вплоть до наших дней в обиду не давали то, что он не развил преимущественно юридического по своему характеру мировоззрения, не нарисовал картину мира, пронизанного правом (что при более близком рассмотрении оказывается его крупным достоинством). Однако не следует оспаривать мнение тех вечно всем недовольных людей, которым больше понравилось бы, если бы в Страсбурге студент-юрист Гёте, вместо того чтобы воспользоваться в целях экономии времени услугами репетитора, отказался бы от любовной интрижки с Фредерикой Брион и от работы над черновыми набросками “Страданий молодого Вертера” и “Геца фон Берлихингена”.

Достаточно сказать, во всех вариантах трагедии⁷⁷ “Фауст” выражается сожаление лишь по поводу того, что он изучал теологию, но никак не по поводу изучения юриспруденции. Скорее речь

идет о признании производной значимости порядка в рамках природной и социальной цельности. “В принципе с юношеских лет юридическая ученость была мне ближе, чем учение о цвете”⁷⁸.

Неверно то, что Гёте невысоко ценил, а тем более вообще игнорировал роль права и произвола, проявляющуюся в виде взрывной, революционизирующей силы. Характерно, что во внесенных им дополнениях к своей автобиографии, говоря о “революционных симптомах”, наблюдавшихся во Франции во времена Людовика XVI, он упоминает исключительно юридические по своему характеру факторы: “частные лица против несправедливых судей. Вольтер, Калас, Лафатер, Ландвогт. Образование частных судов. Требование публичности...”. Гёте еще в 41-м тезисе своей диссертации отмечал: “Изучение права, бесспорно, стоит на первом месте”.

Во многих произведениях он наглядно показывал высокий уровень своих юридических познаний.

Гёте несколько переоценивал мирный характер права, его мнимое бессилие. Следуя характеристике, данной Ф. Энгельсом, подчеркнувшим противоположные стороны творчества Гёте (“Гёте то колоссально велик, то мелок”)⁷⁹, можно сказать, что слишком много мелочного примешивается к его величию и там, где он обращается к соотношению свободы и меры, беспорядка и справедливости. Его обывательское – “уж лучше пусть будет несправедливость, чем если ее будут устранять несправедливым образом” – говорит за целые тома, и в достаточном количестве томов эта мысль нашла свое ошибочное толкование.

Гёте понимал, что законы и право не могут рассматриваться как демиурги человека, как движущие силы его жизни. Тем не менее они являются необходимыми компонентами жизни общества и отдельных индивидов, говоря словами Гёте: “Право и закон представляют собой лишь приложение к нашему существованию”.

Следует указать на ярко выраженные антипозитивистские черты в высказываниях и стихах Гёте, имеющих касательство к вопросам права. Уже в студенческие годы, проведенные в Страсбурге, ему мешал тот образ жизни, который он вел, а также то, что он имел в виду лишь ближайшую

⁷⁵ См.: Гёте И.В. Лирика / Пер. с нем. М., 2001.

⁷⁶ Кленнер Г. Указ. соч. С. 88.

⁷⁷ См.: Гёте И.-В. Страдания юного Вертера. Роман. Фауст. Трагедия / Пер. с нем. Н. Касаткиной, Б. Пастернака. С. 155.

⁷⁸ Goethe zu F. W. Riemer, am 26. September 1809 // *Riemer F.W. Mitteilungen fiber Goethe*, hrsg. von A. Pollmer (Goethe in mundlichen Verkehr mit Riemer. Tischreden und Aphorismen, 1803-1832). Leipzig, 1921. S. 312.

⁷⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 233.

цель⁸⁰: “...Нас не спрашивают, где и как возник закон и какие к тому были внешние и внутренние побуждения; не будут исследовать, как он изменялся соответственно времени и обычаю, а также не извратился ли он совсем вследствие ложного толкования или неправильного применения на суде... К положительным знаниям у меня не было вкуса, я стремился объяснить все, если не из разума, то хотя бы исторически...”⁸¹. Или Гёте отмечал: “Юриспруденция начинает мне очень нравиться. Это совсем как с мерзбургским пивом: когда пьешь его в первый раз – содрогаешься, но если попить его в течение недели, то уже нельзя отказаться от него”⁸².

В благодарственном послании в адрес Йенского университета от 24 ноября 1825 г. Гёте говорил, что уже давно история права является предметом самых упорных его размышлений. Тем, что на гётевский вопрос о праве нельзя ответить ссылкой на существующее положение вещей или на действующие законы, что законность представляется ему легитимной не потому, что она реальна, что в его правопонимание вкраплены не только философские, но и прежде всего исторические моменты, – всем этим Гёте обязан своему великому вдохновителю Гердеру⁸³. С его “Размышлениями о философии всемирной истории” Гёте мог ознакомиться еще в рукописи⁸⁴ (кстати говоря, это относится именно к тому периоду, когда он, предположительно, работал над сценой со студентом в “Фаусте”). Позднее, во время своего путешествия по Италии и после него, “тайное влияние Вико”⁸⁵, несомненно, помогло Гёте развить свои взгляды не только на историчность, но и на позитивность происходящих процессов.

Значительно более важным элементом гётевского понимания истории, решающим пунктом, в котором его взгляды отличаются от идей исторической школы права Савиньи⁸⁶, является, конечно, то, что не только возникновение права, но и

его прекращение обретают себя в его историзме как нечто необходимое. В гётевской исторической концепции право и история, юридический и исторический законы могут приходить в противоречие друг с другом. Об этом говорят, в частности, следующие слова: “Ход истории мы видим повсюду стесненным бесчисленным множеством действующих законов” или облеченные в более субъективную форму строфы:

*“Но если клятвы для тебя неважны,
Как можешь думать ты, что клочок бумажный,
Пустого обязательства клочок,
Удержит жизни беженный поток?
Наоборот, средь этой быстрины
Еще лишь чувство долга только свято”*⁸⁷.

4 января 1824 г. Эккерман записал высказывание Гёте, аналогичное по смыслу приведенному выше: “Время находится в состоянии вечного развития и через каждые пятьдесят лет имеет иную форму, так что структура, которая была совершенством в 1800 году, уже становится недостатком в 1850 году”⁸⁸. В еще большей степени относится к теме и является как бы завершающей (от диссертационных тезисов к мефистофельскому лекарству от “вечной болезни”) мысль Гёте, высказанная спустя три года (9 августа 1827 г.) канцлеру фон Мюллеру: “Законы действуют в течение большего или меньшего срока, это известно. Юрист-практик вынужден пытаться искусно и к всеобщему удовлетворению решать конкретные дела, сообразуясь с собственным усмотрением”⁸⁹.

Гёте предложил дифференцированную концепцию “гибкого порядка”, содержащую рекомендацию относительно того, как следует преодолевать постоянно возникающее противоречие между правом и историей. Для этого, по его мысли, необходимо сочетание жесткого судебного права и более снисходительного “права благоразумия”, ориентирующегося на повседневный обычай. Разумеется, это означало невозможность отказа от радикального решения: “Старые основания почитают, однако право не должно признавать невозможным когда-либо в другой раз обзаводиться полностью новыми основаниями”. Гёте считает, что “доброе обычное право” (а следовательно, право прирожденное) должно уступить место

⁸⁰ См.: Гёте И. Собр. соч. Т. 9. М., 1935. С. 378.

⁸¹ Там же. С. 378–379.

⁸² Brief an S. K. v. Klettenberg, vom 26. August 1770 // Goethes Werke (Sophienausgabe), 4. Abtlg., Bd. 1. Weimar, 1887. S. 247.

⁸³ См.: Klenner H. Herder und das historische Denken in der Rechtswissenschaft // In: Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften der DDR. Berlin, Jg. 1978, Nr. 8 G, S. 33–57.

⁸⁴ См.: Brief an J. G. Herder vom 4. September 1788 // Goethes Werke (Sophienausgabe). 4. Abtlg. Bd. 9. Weimar, 1891. S. 17–20.

⁸⁵ Luka. G. Goethe und seine Zeit. Berlin, 1953. S. 177.

⁸⁶ Klenner H. Savigny und das historische Denken in der Rechtswissenschaft // In: Anales de la catedra Francisco Suarez. Granada, 1978–1979. № 18–19. S. 133–169.

⁸⁷ Гёте И. Страдания юного Вертера. Роман. Фауст. Трагедия / Пер. с нем. Н. Касаткиной, Б. Пастернака.

⁸⁸ Eckermann J.P. Gespräche mit Goethe. Leipzig, 1968. S. 472; vgl. Biedermann F. Goethes Gespräche, Bd. 3. Leipzig, 1909/10. S. 420.

⁸⁹ Kanzler von Müller. Unterhaltungen mit Goethe. Weimar, 1882. S. 162.

наипервейшему прирожденному праву – праву на прогресс.

Гёте совершенно четко определил свое место между властью имущими, которые не спрашивают о праве, коим они обладают для господства, и народом, которому запрещено ставить вопрос, обладает ли он правом изменить правление. Одна из заметок в дневнике Людовика Берна, сделанная 27 мая 1830 г., убедительно демонстрирует возможность проведения сравнения между Гёте и Гегелем: “Гёте был слугой рифмы, Гегель – прозы!”.

Речь идет о провозглашенном еще С. Пуфендорфом антифеодальном и пробуржуазном равенстве, об *aequalitas juris*⁹⁰. Между тем Гёте значительно образнее говорит: “Священный человеческий закон – господ и слуг всех равно любит он”. Его нападки направлены на тех, кто, охваченный революционным пылом, стремится все нивелировать, а общество – сравнить с землей (они содержатся в неотправленном письме Гёте к К. фон Вельдену от июля 1819 г.)⁹¹. Тем не менее Гёте не стремился “встряхнуть” общество, при котором “бедный люд всегда должен нести основную ношу”⁹².

Стихи и мысли Гёте до сих пор бесценны, разумеется, отнюдь не потому, что естественные законы природной сущности человека он уложил в рамки той формы, которая соответствует германскому обществу (этим занимались совсем иначе и намного лучше и до него), и не потому, что в его представлении рынок – это конечный пункт назначения колесницы прогресса. Несомненен вклад Гёте в преодоление просветительно-индивидуалистической социальной философии, в ко-

торой целое раскалывается на атомы индивидов, противостоит любому обществу, основанному на частной собственности на средства производства и поэтому приватизированному. Такому индивидуализму Гёте противопоставляет свое видение – “только все люди вместе составляют человечество, лишь все силы образуют мир”. И далее: “Каждый человек должен рассматриваться лишь как приложение ко всем прочим”. Он утверждал, что “по сути все мы коллективные существа., вершители собственных поступков и поступков других”⁹³. Это, будучи переведено на язык юриспруденции, предполагает установление тождества прав и обязанностей в равной степени свободных граждан.

Таким образом, можно опровергнуть получившее широкое распространение ошибочное представление о значении и роли юридической образованности Гёте для его художественного творчества. “Мое литературное творчество подчинено жизни”, – писал он 14 мая 1780 г. Кестнеру. А юридическое образование, юридическая практика и юридическое мировоззрение Гёте были подчинены его художественному творчеству. В свою очередь художественное творчество Гёте оказало значительное влияние на формирование образа будущего права. Поэзия Гёте формировала духовный мир Европы, составной частью которого с эпохи Возрождения стало правосознание. А оно, в свою очередь, оказывало мощное воздействие на развитие права.

Путь человека к истине, к идеалу всегда сопряжен с трагическими ошибками и непоправимыми утратами. Мгновение, когда дряхлому, ослепшему Фаусту открывается величие идеи, подлинно прекрасно:

*«...Жизни годы
Прошли недаром, ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
“Лишь тот достоин жизни и свободы,
кто каждый день за них идет на бой!”»*

⁹⁰ См.: Pufendorf S. De jure naturae et gentium. London, 1672. S. 270.

⁹¹ См.: Brief an G. L. v. Welden vom 17. Juli 1819 // Goethes Werke (Sophienausgabe), 4. Abtlg. Bd. 31. Weimar, 1905. S. 235–238.

⁹² Brief an J. G. Herder vom 20. Juni 1784 // Goethes Werke (Sophienausgabe), 4. Abtlg. Bd. 6. Weimar, 1890. S. 308.

⁹³ Eckermann J. P. Gespräche mit Goethe. Leipzig, 1968. S. 662.